

УДК 172.1

Этико-философский анализ проблемы легитимности и пределов воздействия на личность

Дедков Даниил Андреевич, магистрант, Кубанский государственный университет

Устименко Алексей Леонидович, доцент кафедры истории, обществознания и педагогических технологий, Филиал Кубанского государственного университета в г. Славянске-на-Кубани, кандидат философских наук

В статье обосновывается необходимость этического переосмысления оснований и границ допустимого воздействия власти на личность. В работе предпринята попытка концептуального анализа различных форм воздействия государства на личность. Проводится различие между этическим и юридическим анализом феномена насилия. Отмечается, что подлинная легитимность власти возможна лишь тогда, когда государственное воздействие направлено не на подавление, а на поддержку автономии личности.

Ключевые слова: формы насилия, легитимность, политические репрессии, моральное основание, пенитенциарная система.

Современные формы общественного устройства немислимы без института государства, выступающего в роли исторически сложившегося механизма регуляции социальных взаимодействий. Одной из ключевых функций государства традиционно признается возможность применения воздействия на личность — в т. ч. в форме насилия, легитимность которого вызывает значительные этико-философские дискуссии. Воздействие на личность через принуждение, контроль и санкции обнажает серьезное противоречие между стремлением к общественному порядку и сохранением автономии человеческого субъекта.

Для устойчивого и гармоничного сосуществования государства и личности необходимо сосредоточить интеллектуальное усилие на этическом переосмыслении оснований и границ допустимого воздействия власти на индивида. В условиях нарастающего общемирового кризиса межгосударственного доверия, правовой нестабильности, а также трудностей, связанных с выполнением социально-экономических задач, сопровождающих нашу страну в условиях СВО, ярко проявляется проблема легитимности власти и пределов ее интервенции в частное пространство личности. Эта проблема становится предметом не столько социополитического и юридического анализа, сколько глубокой философской рефлексии. В частности, важно ответить на вопрос: в каких случаях государственное воздействие на личность утрачивает моральное основание и трансформируется в насилие, лишённое легитимности? В истории человечества можно найти немало практических ответов на него. Значительным разнообразием отличаются и теоретические исследования, сочетающие в себе определенный набор философских, правовых, социологических и политологических подходов. Строго этико-политические основания легитимности насилия рассматривались в трудах Никколо Макиавелли, Томаса Гоббса, Макса Вебера, Мишеля Фуко, Джона Ролза. В фокус современных исследований попадают такие специфические проблемы политики и права, как биовласть и идеологии цветных революций, которые, по сути, способствуют нормализации насилия и трансформации известных дисциплинарных практик в цифровом информационном поле [1; 2; 5; 11].

В статье предпринята попытка концептуального анализа трех форм воздействия государства на личность — военного насилия, политических репрессий и пенитенциарной системы — в контексте их этической обоснованности и пределов допустимости. Отдельное внимание уделено вопросу латентной подмены охранительных функций государства инструментами контроля и устрашения, подрывающими доверие к самому институту власти.

Ключевым этическим вызовом, связанным с государственным насилием, выступает его противоречивая направленность: с одной

стороны, оно может выполнять функцию охраны общественного порядка и защиты правопорядка, а с другой стороны, становится источником систематических нарушений прав и свобод человека. Центральным здесь является вопрос о границах допустимого воздействия государства на личность, а также о моральных основаниях легитимности такого воздействия в правовой традиции.

В философских и правовых традициях европейской мысли легитимность государственного насилия предполагает его соответствие не только нормам позитивного права, но и фундаментальным моральным принципам — уважению человеческого достоинства, праву на жизнь, свободу и личную неприкосновенность. Эти принципы, закрепленные во Всеобщей декларации прав человека (1948 г.) и международных правовых актах о правах человека, формируют основу моральной легитимности власти, без которой любое насильственное воздействие на личность превращается в произвол [3; 9].

Именно нарушение принципа автономии личности чаще всего лежит в основе критики политических репрессий. Такие формы воздействия, как тюремное заключение, ссылка, депортация или принудительное медицинское вмешательство, зачастую направлены не на устранение конкретной угрозы, а на подавление инакомыслия, навязывание идеологической лояльности и уничтожение моральной субъектности личности.

Пенитенциарные практики — одна из наиболее острых точек пересечения права и морали. С уголовно-правовой точки зрения их целью заявляются изоляция асоциального элемента и обеспечение безопасности общества, с моральной — исправление человека [10, с. 12]. Однако, вполне успешно обеспечивая первую цель, государственная система наказания, сама того не желая, испытывает трудности с достижением второй; ее реализация нередко дает противоположный эффект. Действуя в своей изолированной системе координат, она совершает дело не исправления человека, а сохранения его асоциального поведения. Так, нередко тюремные учреждения становятся пространствами воспроизводства несправедливости и насилия, где сама логика наказания оказывается направленной не на исправление, а на деградацию личности. Что вполне теоретически объяснимо: человек несет ответственность только за то, что создал сам, т. е. за свой интеллигентный характер. Поэтому все виды телесного наказания (изоляция) промахиваются в вопросах исправления человека по определению [6].

С этической точки зрения важнейшим критерием допустимости пенитенциарного насилия ныне является принцип пропорциональности и гуманности. В случае если государство, прикрываясь целями общественной безопасности, прибегает к насилию, унижающему человеческое достоинство, его действия теряют моральную

легитимность. Особенно остро эта проблема проявляется в условиях авторитарных режимов, где исправительные учреждения используются в качестве репрессивного инструмента для устрашения и подавления гражданской активности.

Исторические примеры — от ГУЛАГа до лагерей принудительного «перевоспитания» — демонстрируют, как пенитенциарная система может быть трансформирована в механизм системного морального воздействия на личность [7; 11]. В такие периоды развития государства, как правило сопряженные с окружением враждебными государствами, представляющими для него экзистенциальную угрозу и буквально желающими его уничтожения, насилие внутри государства перестает быть инструментом правосудия и неизбежно превращается для личности в форму институционального зла, подрывающего основы гуманистической этики.

Этический анализ насилия как инструмента воздействия на личность неизбежно приводит к переосмыслению самой природы легитимности государственной власти. В отличие от юридической правомочности легитимность предполагает наличие глубинного согласия между властью и обществом — согласия, основанного на доверии, правовой справедливости и моральной правомерности. Насилие же, особенно в его карательной или устрашающей форме, разрушает это согласие, подрывает нравственные основания политического порядка.

Философская традиция, начиная от Руссо и Канта, подчеркивает, что личность не может рассматриваться как средство для достижения внешнеполитических или идеологических целей. Личность — это автономная ценность, носитель внутреннего достоинства, который не может быть подвергнут инструментальному обращению. Следовательно, любая форма насилия, игнорирующая это достоинство, независимо от своих целей подлежит в рамках этой традиции моральному осуждению.

Если государство в спокойной, мирной, а не в кризисной среде нарушает эти пределы, то оно перестает быть выразителем общественной воли и превращается в структуру принуждения, где сила в различных ее формах подменяет право, а страх — доверие. В

подобной системе легитимность теряет онтологическую устойчивость и становится лишь риторическим прикрытием власти без морального основания.

С точки зрения гуманистической этики именно личность выступает предельной границей власти и мерой ее легитимности. Насилие над личностью, не ограниченное моральными критериями, разрушает субъектность, сводит человека к объекту, лишенному воли и достоинства. В этом заключается не просто политическая, но и онтологическая угроза: уничтожается фундаментальное основание социальной жизни — взаимное признание и уважение между индивидами.

Таким образом, проблема насилия выходит за пределы сугубо политического измерения и становится предметом антропологической тревоги. Где проходит грань, за которой человек перестает быть субъектом истории и превращается в средство определенного политического механизма? Этическая философия и ее антропологический императив, по крайней мере, со времен Нового времени настаивают на том, что эта граница лежит в признании свободы и достоинства личности как безусловных оснований любой формы власти. Ее нарушение затрагивает основы общественного устройства, пределы дозволенного и запретного, границы морали и власти. Насилие, даже когда оно оправдывается благими целями, требует постоянной нравственной оценки, ибо легко переходит черту, за которой начинается разрушение самой идеи справедливости. Труднейшей задачей любой власти является поиск благодетельного баланса между следованием требованиям идеи справедливости и требованиям идеи внутренней ценности личности [4; 8].

Истинная легитимность власти возможна лишь тогда, когда государственное воздействие направлено не на подавление, а на поддержку автономии личности, не на подчинение, а на создание условий для свободной и достойной жизни. В этом смысле этико-философская рефлексия служит критерием оценки власти, напоминая ей, что сила без свободы превращается в разрушение, а закон без справедливости, как и справедливость без любви, — в насилие.

Примечания

1. Аласания К. Ю. Философская концепция биовласти: истоки и перспективы // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2018. N 4.
2. Гаврина Е. Е. Уголовно-исполнительная система Российской Федерации в условиях модернизации: современное состояние и перспективы развития: материалы конференций. Рязань, 2013. Т. 4.
3. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М., 1990.
4. Жива ли справедливость в праве? / под ред. Д. И. Луковской, Н. И. Малышевой, М. И. Юдиной. СПб., 2022.
5. Канетти Э. Масса и власть. М., 1997.
6. Кант И. Метафизика нравов. М., 2007.
7. Кристи Н. Борьба с преступностью как индустрия. Вперед, к ГУЛАГу западного образца? М., 1999.
8. Культура наказания, или социокультурные аспекты пенитенциарной практики / под ред. Е. Г. Багреевой. М., 2013.
9. Международное гуманитарное право: учебник под науч. ред. В. В. Алешина, А. Ю. Ястребовой. М., 2023.
10. Оганесян С. М. Место и роль пенитенциарной системы в механизме государства // Мир юридической науки. 2005. N 8.
11. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 2022.

English version

An ethical and philosophical analysis of the problem of legitimacy and the limits of influence on the individual

Dedkov Daniil Andreevich, master's student, Kuban State University

Ustimenko Aleksey Leonidovich, associate professor of the department of history, social studies and pedagogical technologies, Branch of Kuban State University in Slavyansk-on-Kuban, candidate of sciences (philosophy)

This article substantiates the need for an ethical reconsideration of the foundations and limits of permissible state influence on the individual. The study attempts a conceptual analysis of various forms of state influence on the individual. A distinction is drawn between the ethical and legal analysis of the phenomenon of violence. It is noted that genuine legitimacy of power is possible only when state influence is aimed not at suppressing the individual, but at supporting personal autonomy.

Keywords: forms of violence, legitimacy, political repression, moral foundation, penitentiary system.